

Ольга Юрьевна Степнова

Фокиниада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436065

Аннотация

"Я написала книгу, дорогой. Это документальный роман о наших с тобой отношениях, о том, как ты врал жене, как пытался выглядеть честным семьянином в глазах общественности, как крутил разные финансовые аферы со своим тестем-депутатом. Ты так много выбалтывал мне по пьяни, Сандро, что твоих тайн хватило на целую книгу! В моём романе много интимных подробностей, откровенных сцен и разоблачительной правды, убийственной для тебя, твоей жены и твоего тестя! Я написала эту книгу от своего имени и назвала всех своими именами. Роман называется «Шиворот-навыворот». Сразу три крупнейших издательства вцепились в него мёртвой хваткой, предложив мне большие тиражи и высокие гонорары. Но я не подписала ни одного контракта..."

Содержание

О МЕЧТАХ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Степнова

Фокиниада

О МЕЧТАХ

– Вы любите Кафку?

– Да, особенно грефневую!

Анекдот

– Все суки, все! – мрачно сказал Сева Фокин, закусывая солёным огурцом очередную порцию розового мартини. – Я, Вася, потерял веру в человечество ещё в утробе матери.

– Вчера ты говорил, что мир прекрасен, а все люди ангелы, – удивился Лаврухин, которому не досталось ни огурца, ни мартини.

– Ты тоже сука, Вася... Вот на хрена ты мне, лучшему детективу страны, предлагаешь искать трусы и лифчик какой-то зажавшейся профу... фу... фу... – Слово «профурсетка» вдруг показалось Севке страшным архаизмом. – Профурсуки! – закончил он мысль.

– Я же тебе говорю, – в сто первый раз начал объяснять участковый Лаврухин, – это не простые трусы! И лифчик не-не-не-непростой! – От волнения Лаврухин стал заикаться. – Это дизайнерское французское бельё стоимостью полторы тысячи евро! А профурсука, как ты выражаешься, – жена банкира Говорухина!

– А я тебе говорю, что ни одна идиотка не вывесит сушить на улицу полторы тысячи евро! – опять стукнул кулаком по столу Фокин.

– А я тебе говорю, что не она его вывесила, а её бабка, к которой она погостить приехала! – Лаврухин примерился и тоже долбанул кулаком по краю стола.

– А я тебе говорю, что, несмотря на нашу с тобой многолетнюю взаимовыручку, это выше моего достоинства – искать женские причиндалы!

– Ниже! Ты хотел сказать – ниже твоего достоинства! – захохотал Лаврухин.

– Слушай, – перешёл Сева на доверительный шёпот, – может, бельишко ветер унёс?

– Я допрашивал ветер, – не менее доверительно сообщил Вася. – Он не уносил.

– А ты скажи, что унёс! Оформи чистосердечное признание и закрой дело!

– А садить кого?! – прищурился Лаврухин. – Жена банкира Говорухина хочет плюнуть в лицо негодяю, который спёр её трусы, и засадить его минимум на пять лет.

– Да-а, – протянул Фокин. – Суки все, суки и профурсуки...

Разговор вернулся на исходную позицию, безнадёжность которой усугублялась тем, что розовый мартини закончился и солёные огурцы тоже.

Вася Лаврухин с грустью прикинул, что если он разорится ещё на одну бутылку, то до зарплаты придётся занимать минимум пятьсот рублей, а если позаимствовать у тёщи в погребе ещё одну банку солёных огурцов, то придётся убить выходные на прополку тёщиной картошки.

Больше всего на свете Лаврухин не любил одалживать деньги и полоть тёщину картошку, поэтому он прибегнул к старому как мир методу – грубой и неприкрытой лести.

– Сев, – ласково пропел Вася, обращаясь к пьяноватому Фокину, который, засунув в банку узкую руку, искал в рассоле среди укропа, хрена и смородиновых листьев ещё хотя бы один огурец. – Ну, Сева! Я же всё понимаю! Ты гений сыска! Ты ас детективных расследований! Ты... ты Пушкин своего дела! Поэт! Равных тебе в городе – да что в городе! – в стране нет! Я абсолютно уверен, что ты лучший частный детектив в мире и... и во вселенной!

Севка замер, забыв вынуть руку из банки. Не то, чтобы он любил лезть, просто через три дня предстояло платить за аренду офиса, за квартиру, за телефон и за ремонт старенькой «девятки», а денег на всё это не было, потому что за весь месяц не приключилось ни одного стоящего клиента – только ревнивые мужья и ещё более ревнивые жёны, которые скрепя сердце платили тысячу рублей за три дня слежки...

Фокин всё ждал, когда Лаврухин озвучит сумму, которую жена банкира готова выложить за поимку вора, но Лаврухин сумму не называл и напирал только на давнюю договорённость во всём бескорыстно помогать друг другу.

А ну как Лаврухин не за так старается?! Давно бы уже на ветер кражу списал, если бы за зарплату работал...

– Я ж понимаю, – ближе к делу перешёл Вася, – у тебя только аренда этой... – Он обвёл рукой комнатуху, где с трудом помещались стол, стул, шкаф и кресло. – Этого офиса обходится в тысячу долларов...

– Евро, – поправил Фокин. – Не забывай, это центр города! Тут квадратный миллиметр снять всей твоей зарплате не хватит.

– Да я понимаю. Но и ты пойми, не могу я с Говорухиной денег взять, потому что искать её трусы и лифчик – моя прямая обязанность!

– И зачем ей это залапанное ворами бельё? – вяло поинтересовался Севка. Не найдя огурец, он сунул в рот солёный укроп. – Она что, новое не может купить?

– Может. Но не хочет, – чуть не заплакал Лаврухин. – Ей нужно найти это бельё из принципа, потому что вор должен сидеть в тюрьме. Они, знаешь, какие принципиальные, эти жёны банкиров?!

– Суки, – сплюнул укроп в мусорную корзину Фокин. – Все суки, все! Мне не то, чтобы задаром ноги топтать не хочется, мне трусы запахло искать!

– А ты лифчик ищи! – оживился Лаврухин, жестом обозначив на себе женские прелести. – Лифчик очень даже прикольно искать! А где лифчик, там и трусы... в данном случае... А на меня всегда можешь в своих делах рассчитывать. И днём и ночью. По базе милицейской кого пробить, номера машины узнать, или адрес...

Что и говорить, услуги участкового в работе Севки Фокина были незаменимы.

Не одно дело и не два, – пожалуй, все до единого, – Фокин раскрыл с помощью Васи.

– И увидел Бог, что это хорошо... И назвал – сиськи! – тяжело вздохнул Сева.

– Согласен?! Раз анекдоты рассказываешь, значит, согласен! – завопил Вася.

– Какой размер у бюстгальтера? – Сева придвинул к себе блокнот и взял ручку.

– Первый.

– Ты издеваешься?! – отбросил ручку Фокин. – Нет, ты издеваешься, да?!

– Зато трусы «икс-икс-эль», – пряча глаза, пробормотал Лаврухин.

– Ужос, – Сева снова взял ручку и записал в блокноте параметры, так и пометив их «ужос-ужос-ужос!». – Цвет? – уточнил он.

– Красный.

– Особые приметы?

– Фирма «Аэлита». Это самая надёжная особая примета! Они делают свои модели в единственном экземпляре, другого такого белья во всём мире нет!

– Да уж... Никто не догадается к почти нулевому размеру сисек присобачить трусы от слона, и всё это изобразить в красном цвете!

– Индивидуальный пошив, ручная работа, – опять засмутился Лаврухин, протягивая Севке листок. – Тут адреса пострадавших и свидетелей.

– Что, и свидетели есть?! Чего ж ты тогда припёрся ко мне со всей этой мутотой?! – возмутился Фокин, отшвыривая листок с координатами.

– Да кто ж мне, менту, что расскажет! – подскочил Лаврухин. – Я ж в погонах! А на погоны у свидетелей одна реакция – ничего не видел, ничего не знаю! А ты костюмчик спортивный напялишь, перегаром дыхнёшь, тебе всё по-свойски и выложат!

– Я столько не выпью, Вася, чтобы убедительно дыхнуть на свидетелей, – буркнул Сева. – Я лучше чеснока много съем, чтобы по-свойски вонять.

– Супер! – заорал Вася. – Нет, Севка, все-таки, у тебя мозг гения. Чеснок – это находка!

– Тогда с тебя, Вася, полкилограмма чеснока.

Вася заметно поскуchnел, потому что прикинул – такое заметное «прореживание» тещиных запасов может закончиться прополкой всё той же картошки.

– Ты это, – почесал Вася затылок, – не переборщи с чесноком. От него, если переест, сердце конкретно скалит.

– Я не переборшу. Я свою норму знаю, – усмехнулся Фокин.

– Ладно, – вздохнул Лаврухин, – буду полоть картошку.

– Что? – не понял Сева. – Какую картошку?

– Можно я банку с собой заберу, а то теща волнуется, когда трёхлитровые банки пропадают?

– Забирай, – кивнул Фокин. – И бутылку от мартини возьми, туда тоже огурцов напихать можно, если мелко покрошить.

Лаврухин собрал со стола стеклотару, сунул её в пакет и, пятясь задом, начал продвигаться к двери.

– Так ты это... когда вора найдёшь? – некорректно сформулировал он вопрос.

– Суки все! – заорал Сева. – Мало того, что работу на халяву получить хотят, так ещё и со сроками поторапливают!

– Понял, отстал. – Звякнув посудой, Вася исчез за дверью.

Севке стало вдруг стыдно. Он выскочил из-за стола и высунулся в коридор.

– Слышь, Васька, – позвал он Лаврухина. – За завтра постараюсь успеть.

Васька в ответ сделал жест, который можно было расшифровать как горячую благодарность и «всё для тебя сделаю».

* * *

Утром, ни свет, ни заря, в комнату заглянула хозяйка.

– Тут Лаврухин зачем-то чеснок притащил, – сказала она и пошуршала чем-то шуршистым, лаврухинским чесноком, наверное.

– На тумбочку положите, Маргарита Петровна, – сквозь сон пробормотал Сева, которого не очень-то вдохновляла перспектива завтракать чесноком.

– Всеволод Генрихович... – Когда хозяйка обращалась к Фокину по имени-отчеству, это означало только одно – она хочет попросить денег вперёд за месяц, а то и за два. А, может, за три...

Севка громко всхрапнул, но это не помогло.

– Всеволод Генрихович, у меня тут такие обстоятельства... Кредит надо платить, а доктор лекарства ну такие дорожные прописал! Не могли бы вы мне за комнату месяца за два, а то и за три...

Когда Севке нечего было сказать, он рассказывал анекдот. Впрочем, когда было что сказать, он тоже рассказывал анекдот, проверяя тем самым собеседника не столько на чувство юмора, сколько на правильность мироощущения. Анекдотов Сева знал великое множество – бородатых, едва поросших щетиной и только что народившихся в Интернете. Сева никогда не записывал анекдоты, он запоминал их сразу – любой степени тупости и остроумия.

Разные люди смеялись над разными анекдотами.

Маргарита Петровна не смеялась ни над какими. Она видела в них исключительно одной ей ведомый подтекст, как правило – невесёлый.

– А то и за три месяца вперёд заплатить, – закончила свою мысль хозяйка.

– Как избежать изнасилования в тёмном переулке толпой негров? Бросить им баскетбольный мяч! – Сева сел и босыми ногами поймал тапки.

– Значит, не сможете, – как всегда, нашла свой невесёлый подтекст в анекдоте Маргарита Петровна. – Значит, никак.

– У вас есть счёт в банке? Есть, но он не в мою пользу! – подтвердил Фокин её опасения очередным анекдотом.

– Ваш счёт не в мою пользу, Всеволод Генрихович, – вздохнула хозяйка и ушла.

Севка встал и понюхал связку чеснока.

Всё было плохо.

Предстояло есть чеснок, искать чужие трусы и весь день носить спортивный костюм. И всё это – даром.

При всём его оптимизме Севке захотелось завывать.

Мысль, что Маргарита Петровна может поискать другого жильца – такого, который легко заплатит за два, а то и за три месяца вперёд, усугубляла депрессию.

Сева очень дорожил комнатой, которую снимал в частном секторе за небольшие деньги. Он считал, что лучше снимать офис в центре, а квартиру на окраине, чем наоборот. Конечно, лучше бы и то и другое – в центре, но даже в наилучшие времена, когда от клиентов отбоя не было, он жмотился на оплату жилья. Что ему, холостому оболтусу неполных тридцати лет, в сущности, нужно от собственного угла?

Выспаться, да поспать.

Остальное – работа. Если она есть, конечно. А если нет, то ожидание работы в офисе. Так зачем платить дважды?! В качестве жилья Севу вполне устраивала дешёвая комнатуха в частном доме, где удобства на улице.

Фокин умылся в огороде дождевой водой из бочки, отыскал среди немногочисленных шмоток тренировочный костюм, съел пару зубчиков чеснока с чёрным хлебом, выпил кофе, потом подумал и съел ещё зубчик, решив, что кофе нейтрализует требуемый запах. Затем он замазал чёрным лаком передний зуб, создав видимость его отсутствия, сел на велосипед и поехал к свидетелям.

Депрессуха назойливой мухой жужжала возле правого уха, вызывая раздражение у, в общем-то, жизнерадостного и весёлого Фокина.

* * *

Прежде чем пойти по указанному адресу, Фокин прицепил велосипед к дереву и внимательно осмотрел двор.

Райончик был так себе – спальный. Представить смешно, что в этом муравейнике из плотно натканных пятиэтажек могла гостить жена банкира Говорухина. Впрочем, с первым размером груди ей в Монте-Карло точно делать нечего...

Рядом с детской площадкой располагался «турник» для выбивания ковров, а недалеко от него по старинке тянулись верёвки для сушки белья. Ветер трепал на прищепках чьи-то разномастные носки и носовые платки.

«Каменный век», – подумал Севка, но тем не менее отметил, что незаметно спереть с верёвки бельё очень трудно – кругом гуляют мамы с детьми, а за окнами близлежащих домов наверняка прячутся граждане, любящие наблюдать, что происходит на улице.

Нужная квартира находилась на втором этаже, и окна её выходили прямо на верёвки с носками. Как Вася вычислил, что именно здесь должны находиться свидетели, Сева не

понял, но ему на это было плевать. Сказано поговорить, источая чесночный запах, он и поговорит. Исключительно из уважения к прошлым и будущим заслугам Лаврухина перед частным сыском.

– Мужики! – завопил Сева, едва дверь начала открываться. – Я сосед ваш из соседнего дома! У меня покрывало с верёвки спёрли! Новое совсем покрывало, бабка его крестиком в сорок шестом году вышивала! Вечером сушить повесил, утром вышел – фиг вам, а не покрывало висит! Носки, платки всякие, а покрывало – тю-тю!! Может, на видеокамеру скинемся, мужики, чтоб спокойно жилось, а?! И домофоны во всех домах забабахаем! Поддержите меня, мужики... – Севка поперхнулся темпераментной речью, потому что «мужиками» оказались две прехорошенькие девчонки лет двадцати. Брезгливо морщась от запаха чеснока, они словно курочки топтались возле двери – в халатиках, в тапочках, с нежными лицами, которые не успели накрасить.

Из квартиры на Фокина пахло ароматом свежесваренного чая. «Тьфу, леший!» – ругнулся он про себя. Его мужские позиции перед красотками были безнадежно утрачены.

– Мы квартирантки, – сказала одна из них. – Мы скидываться на ваши видеокамеры и домофоны не будем.

– Но ведь прут и прут, – пробормотал Севка, стараясь дышать в сторону. – Что не повесишь, всё прут...

– Да плюньте вы на своё покрывало! – воскликнула та квартирантка, которая была погрудастее.

– Плюньте! – поддержала её та, что поглазастее. – Если его ещё ваша бабушка вышивала, то ему как минимум сто лет в обед.

– Покрывало дрянь, конечно, – согласился Фокин. – Только у одной дамочки тут недавно трусики с лифчиком спёрли, так вот они полторы тысячи евро стоили. Слыхали про такое происшествие?

– Проходите, – неожиданно пригласила его глазастая.

– Через порог нельзя разговаривать, – поддержала её грудастая.

Фокин тяжело вздохнул и, проклиная свой спортивный костюм, а в особенности лаврухинский чеснок, прошёл на уютную кухню, где на плите, весело посвистывая, закипал чайник. Присев на табуретку, Севка почувствовал, что портит собой интерьер этого девичьего гнёздышка.

– Я Маша, а это Даша, – представилась глазастая. – Мы тут всего месяц живём. Учимся в институте, а квартиру снимаем. Сами посудите, дорогой сосед, какой нам резон на видеокамеры и домофоны скидываться, если это не наша квартира?! Пусть хозяйка платит, если ей надо, а ей не надо, потому что она большей частью в Америке живёт.

– И потом, – вмешалась Даша, – ну кто в наше время вещи на улицу сушить вывешивает?! Ну, зачем?! Это в советские времена принято было, а сейчас – наркоманы, маньяки, пьяницы, трудные подростки и эти, как их... фетишисты. Да они за копейку убьют, не то что бабушкино раритетное покрывало стащат!

– Абсолютно с вами согласен, – закивал Севка. – Сушить свои причиндалы на улице – дурной тон и плебейство. Я сделал это первый и последний раз, просто покрывало надоело, не знал как от него избавиться.

Девчонки дружно захохотали – хорошенькие такие курочки, каждую из них он взял бы к себе в секретарши. У Севки существовал единственный критерий женской красоты – взял бы он девушку в секретарши, или не взял.

Этих бы – взял. Сразу обеих, но на одну ставку. Тем более, что контакт с ними уже был налажен, несмотря на мерзкие треники с оттянутыми коленками и чесночный аромат изо рта.

Девчонки расселись вокруг него, одна забралась с ногами на подоконник, другая пристроилась возле стола. Не стыдясь своего чёрного зуба, Севка широко улыбнулся и спросил:

– Нет, ну ладно я не знал как от старья избавиться, но как эта краля догадалась такие дорогие вещички на улицу вывесить?

– Это её бабка по старинке бельё сушить повесила, – засмеялась Даша. – В тазике постирала хозяйственным мылом эксклюзивные кружева и повесила полторы тысячи евро на верёвочку возле дома. А что? Раньше всегда так делали. Только белья такого дорогого не носили. Внучка-то у бабки, жена самого банкира Говорухина!

– Вот была бы хоть одна захудалая камера на весь двор, вора бы быстро поймали, – подтолкнул Сева свидетельниц для дачи так называемых «показаний».

Девчонки переглянулись, вздохнули и вдруг в один голос признались:

– Это мы бельё сняли.

– Как?! – опешил Фокин. – Спёрли, что ли?! Ни за что не поверю. Там размерчик не то, чтобы ваш, – сболтнул он лишнюю информацию.

– Да нет, – вздохнула Маша, сидевшая на подоконнике, – ничего мы не пёрли. Сначала видим, лифчик с трусами потрясающей красоты висят. Поудивлялись, поахали, посмеялись, а потом... – Девчонки вопросительно переглянулись, словно решая, довериться соседу из соседнего дома, или нет. – А потом такой дождь пошёл! – продолжила Маша. – Да не просто дождь, а ливень с градом и ветром. Все, у кого вещи на улице сохли, повыскакивали, простыни свои снимали и домой убежали. А бельё дорогое всё висит и висит, вот-вот ветер его сорвёт и унесёт...

– Значит, всё-таки ветер, – пробормотал Сева.

– Что? – не поняла Маша.

– Я говорю, и ветер зашвырнул бельишко Говорухиной в вашу открытую форточку?

– Нет, конечно! – обиделась Маша. – Ну что вы за ерунду несёте? В разгар ливня раздался телефонный звонок, и бабушка, – слышите вы, соседский сосед, – ба-буш-ка этой самой Говорухиной сказала еле слышным, умирающим голосом: «Нелечка, сними Жанкины труселя с верёвки, а то буря их на мелкие кусочки порвёт и по белу свету разнесёт. Сними, дорогая, очень тебя прошу. У меня давление подскочило, «Скорая» приехала, на носилки меня уложили, в больницу увозят. А Жанна по магазинам шляется, приедет – убьёт меня на хрен и за труселя, и за бурю... Она ж знает, что я всё всегда на улице сушу». Бабка отключилась, мы в окно глянули – и правда у дома напротив «Скорая» стоит. А Неля – это хозяйка наша, у которой мы комнату снимаем. Значит, бабулька ей позвонила, не зная, что та в Америку укатила, и попросила внучкино бельё спасти. Ну что мы, звери, что ли?! Вышли, бельё сняли, дома просушили и в надёжное место спрятали. Только Говорухина за ним не пришла. Она в милицию о краже заявила, представляете?! У бабульки инсульт приключился, она без сознания в реанимации лежит. И что же теперь получается?

– Без бабкиных показаний получается, что мы бельишко за полторы тысячи евро свистнули! – возмущённо закончила её мысль Даша.

– Девоньки, – взмолился Сева, – так отчего же вы всё это мне рассказываете, а не участковому вашему, который с ног сбился, труселя эти разыскивая?

– Нет, ну вы интересный! – округлила и без того большие глаза Маша. – Нет, ну вы что, совсем ничего не понимаете?! Вы нам кто?! Сосед соседский! А участковый для нас вовсе даже не участковый, ведь мы же здесь квар-ти-рант-ки!

– Да, – подтвердила Даша, – участковый нам тут вовсе не участковый.

Была в этом заявлении какая-то затаённая логика, но какая, Сева так и не смог понять.

– Девоньки, – вздохнул он, – давайте мы с вами вот что сделаем. На домофоны и камеры денег с вас, конечно, никто брать не будет, но вот бельишко банкирское вы мне отдайте. Я его участковому передам, и всё про ливень с грозой и инсультом объясню. Он дело закроет, труселя банковской жене вернёт, всё будет шито-крыто, и вы не при чём. А то, глядишь, Говорухина вам ещё и спасибо скажет в виде коробки конфет за спасение своего барахлашка.

- А вы, что, ничего не знаете? – нахмурилась Маша.
- О чём? – У Севки вдруг ёкнуло сердце, как оно ёкало всегда, когда уже раскрытое дело вдруг приобретало неожиданный оборот. – Что я должен знать?
- Жанна Говорухина не сможет сказать нам спасибо и подарить коробку конфет, – с грустью пояснила Даша.
- Да и бельё ей уже ни к чему, – добавила Маша.
- Это ещё почему? – поинтересовался Севка, тоскливо подумав о том, что дел по этому «банкирскому делу» неизбежно прибавится, но это не сулит ему ни копейки.
- А то вы утренних газет не читаете? – прищурилась Маша.
- И телевизор не смотрите? – покачала головой Даша.
- Я, девоньки, в кризис стараюсь ничего не читать и не смотреть, – сказал чистую правду Фокин. – А что, банкирским жёнам нынче коробка конфет не по карману?
- Девчонки снова переглянулись, а сердце у Севки опять ёкнуло.
- Убили её, – вздохнула Даша и засуетилась, разливая по чашкам чай, выставляя на стол вазочки с вареньем и сухофруктами.
- Бабку? – надеясь на лучшее, спросил Сева.
- Жанну Говорухину! А бабка в реанимации с инсультом лежит, – как последнему дураку объяснила ему глазастая Маша.
- Вчера вечером, – заговорщицки продолжила Даша, – Жанна Владимировна приехала сюда на своём «Порше». Зачем, никому неизвестно, ведь бабушка-то в больнице лежит! А около полуночи её нашла соседка, которая пришла полить цветы и покормить кошку. Говорухина лежала на кухне с проломленной головой, рядом с ней валялся окровавленный топорик для рубки мяса. Тут ментов ночью море было! И даже сам банкир, говорят, приезжал. Тело увезли, квартиру опечатали. Сами подумайте, дорогой сосед, зачем теперь Жанне Владимировне дорогое бельё?
- Зачем?! – подхватила эту бесконечно философскую мысль Маша.
- И опять в их словах была такая убийственная логика, что Сева не нашёл, что сказать... Он вздохнул, встал и пошёл к выходу.
- А чай?! – в один голос закричали девчонки.
- Какой там чай, – отмахнулся Фокин. – Тут людей топором рубят, а вы – чай.
- Как вы думаете, с этической точки зрения, что нам теперь с этим кружевным комплектом делать? – выскочила за ним в коридор Маша. У неё в руках был пакет, через который просвечивали красные кружева. – В милицию сунешься – загребут не только за кражу, но и за убийство. У себя держать боязно и неприятно, а выбросить рука не поднимается. Может, банкиру бельё потихоньку подкинуть?
- Повесьте его обратно на верёвку, – посоветовал Сева. – Ночью незаметно повесьте, будто так и было!
- Точно! – обрадовалась Маша. – Как же мы сами до этого не додумались?!
- И вот что, девоньки, если передумаете в институте учиться, приходите ко мне на кастинг. – Сева вытащил из кармана визитку и вручил её Маше.
- Ой, вы продюсер? Вам актрисы нужны? – подскочила к ним Даша. Вытянув шею, она заглянула в прямоугольник с координатами Севкиного офиса.
- Я частный детектив. Мне секретарша нужна – умная блондинка, не старше двадцати пяти лет, с большим творческим потенциалом. – Сева жестом обозначил желаемый размер бюста.
- Пока девчонки, открыв рты, смотрели ему вслед, он сбежал вниз по лестнице и выскочил из подъезда.

* * *

– Сволочь ты, Вася, – сказал по мобильному Фокин, оказавшись на улице. – Зачем заставил меня жрать чеснок? Зачем треники посоветовал нацепить?! Свидетели твои оказались красивыми молодыми девчонками. А я с выбитым зубом, в старом спортивном костюме и с запахом изо рта! Сволочь ты, Вася. Жуткая сволочь!

– Неужели молодые девчонки? – что-то интенсивно жуя, удивился Лаврухин. – Ну, извини! У них фамилии Полторак и Неналивайко, вот я и подумал... Извини, друг, прокололся.

– Ладно, не грузись, я бы тоже так подумал, – оборвал его Севка. – Хуже другое. Бельишко я нашёл, да только хозяйке оно уже ни к чему. Надеюсь, ты в курсе?

– В курсе чего? – замер на том конце Лаврухин, переставая жевать.

– Ты что, не знаешь, что у тебя на участке творится?! – не выдержав, заорал Сева так, что голуби, мирно пасшиеся на тротуаре, панически взмыли в воздух. – Или я теперь тут участковый?! Тогда зарплату мне свою гони!

– Я в отпуске! С сегодняшнего дня! – перекричал его Вася.

– Вот ни хрена себе! – от возмущения Фокин чуть не уселся в клумбу, заботливо выложенную по периметру старыми шинами. – Вот ни хрена себе... Это что же получается, Лаврухин? Ты с утра в отпуске прохлаждаешься, а я тут на твоём участке пашу? Да пошёл ты... – Севка в сердцах нажал отбой и решительно направился к велосипеду.

Если до послезавтрашнего дня у него не появится клиент, то придётся съехать с квартиры и подыскивать другой офис. Ещё ему придётся не есть, не пить и не заигрывать с хорошенькими девчонками, потому что все эти занятия требуют мало-мальских денег, а их у него...

Сева выудил из растянутого кармана треников кошелек и скрупулёзно пересчитал наличность. «Их» у него оказалось шестьсот рублей и восемьдесят пять копеек.

– Тьфу! – в сердцах плюнул Фокин, вспомнив, что ко всем прочим тратам нужно забрать из ремонта машину, старую, вечно ломающуюся «девятку».

Прислонившись к дереву, к которому цепью был пристёгнут велосипед, Севка набрал отца.

– Папаня, анекдот хочешь? – невесело спросил он, прекрасно зная ответ.

– Конечно, нет, – пьяно икнул папаня в ответ. – На хрена мне твой анекдот?

– Тогда слушай. «Бежит мартышка по лесу и кричит:

– Кризис! Кризис!

Выходит волк из кустов и спрашивает:

– Ты чего орёшь?

– Так ведь кризис же...

– Ну и что? Я как ел мясо, так и буду есть.

Бежит мартышка дальше и кричит:

– Кризис! Кризис!

Выходит лиса из кустов и спрашивает:

– Ты чего орёшь?

– Так ведь кризис же...

– Ну и что? Я как носила шубу, так и буду носить.

Бежит мартышка дальше молча по лесу и думает: «И чего я ору?! Ведь как ходила с голой жопой, так и буду ходить».

– Ты в этой истории волк, лиса или мартышка? – поинтересовался папаня, снова икнув.

– Сам догадайся, – буркнул Севка в ответ.

– Севун, я б тебе занял, но на данный момент я тоже мартышка, – хихикнул папаня и, не попрощавшись, отключился.

Генрих Генрихович Фокин пил давно, много и со смыслом. То есть, не просто нака- тывал, а всегда находил причину, по которой накатить просто необходимо, а не накатить – преступно.

Ну, например – солнце взошло. Или зашло. Или дождь пошёл. Или – не пошёл. А тут ещё Украина, мать её, за газ не платит. И нефть дешевеет, и вообще – кризис всего цивили- зованного мира и нецивилизованного тоже.

В Африке засуха, в Европе наводнение, в Краснодаре вся завязь помёрзла, в Иране пре- зидентские выборы, на Садовом пробки, а в Голливуде скончался известный актёр... Пово- дов накатить находилось столько, что мировые запасы алкоголя казались Генриху Генрихо- вичу мизерными относительно тех проблем, которые нужно было ими «лечить».

– Если человек остро реагирует на жизнь, он не может не пить, – говорил Фокин-стар- ший. – Человек может не пить только если он умер, и то... – тут папаня обычно замолкал и многозначительно подмигивал собеседнику.

Что означало это «и то...» можно было только гадать. Очевидно, папаня свято верил, что накатить он сможет, даже если помрёт.

Севка отца не осуждал.

Потому что помнил – первым поводом напиться для папани стала гибель жены, Сев- киной мамы. Севке было всего десять лет, когда маму сбила машина, и он долго не мог осо- знать горя, которое на него свалилось. Ему казалось, что похороны, могила на кладбище, слёзы родственников и первый запой папани – это чья-то дурная шутка. Это не его судьба и не его боль...

Папаня, вероятно, тоже так думал, потому что, напившись, всегда говорил:

– Вот Валентина наша вернётся, закатим пир на весь мир, Севка! Плясать будем и песни петь!

Севка кивал и резал папане ливерную колбасу на закуску. В какой-то момент он осо- знал, что мать никогда не вернётся, но ему было тепло и радостно от того, что есть человек, который готов ждать её вечно. Пусть и в пьяном угаре...

Фокин-старший так никогда и не женился, навсегда заменив для себя женский вопрос алкоголем. Севка с благодарностью принял эту замену и никогда не упрекал папаню в бес- конечном обилии поводов выпить.

Генрих Генрихович давно пропил комнату в коммуналке, поэтому последние десять лет жил на кладбище, работая там же сторожем. Дополнительно к зарплате он получал неболь- шую пенсию, но денег всегда не хватало на все мировые катаклизмы. Севка навещал папаню три раза в месяц, затаривая его холодильник продуктами и качественной водкой.

...Фокин сунул мобильный в карман, сел на велосипед и, с бешеной скоростью крутя педали, помчался в офис.

Там он сможет умыться, побриться, переодеться и, наконец, почистить зубы.

Там он всё сможет. Жаль только жить в офисе нельзя – арендодатель был категорически против такого использования помещения. А то можно было бы сэкономить на квартире.

* * *

Ровно через пять минут после того, как Фокин привёл себя в порядок, в дверь посту- чали.

Севка напрягся, как всегда напрягался в ожидании клиента. Но клиенты всегда сначала звонили, а потом уже приходили. Наверное, это баба Люба пришла помыть кабинет. Она мыла его раз в месяц – небрежно и нехотя, – потому что Севкина контора, у которой и назва-

ния-то не существовало, кроме «ИП Частный детектив Фокин», была для неё «сбоку припёка» и дополнительная нагрузка к длинным коридорам, широким лестницам и просторным кабинетам огромного проектного института.

Но баба Люба никогда не стучалась, а просто вваливалась, гремя о ведро шваброй.

Севка решил, что это всё же клиент, поэтому быстренько развалился в кресле, закинул ноги на стол и раскурил остаток сигары, который специально держал на случай клиента. Так по мнению Фокина должен был выглядеть настоящий детектив – расслабленно, слегка отрешённо и обязательно в клубах сигарного дыма.

– Войдите! – крикнул лениво Сева.

Дверь распахнулась, в комнату ворвался мужик в белом костюме и сдвинутом на бок, плохо завязанном галстуке. Светлые волосы у мужика стояли дыбом, губы дрожали, а взгляд выражал отчаяние.

Всего этого было так много – мужика и отчаяния, – что Севка слегка отшатнулся. Торопливо затушив сигару, он снял со стола ноги.

– Вы?! – выдохнул посетитель. – Вы занимаетесь частным сыском?!

– И сыском, и частным, и занимаюсь, – попробовал пошутить Фокин, но замолчал, наткнувшись на обезумевший взгляд клиента.

– Тогда докажите, что я не убивал свою жену! Докажите! Я заплачу!! – Мужик начал метать на стол пачки евро, извлекая их из запазухи, из карманов, и – как показалось Севе, – из своих внутренностей.

Клиент был напигован деньгами как утка яблоками. Но, несмотря на бедственное материальное положение, Севке стало неудобно под этим обстрелом валюты.

– А вы действительно не убивали свою жену? – поинтересовался он, когда «яблоки» в «утке» закончились, а на столе образовалась приятная глазу розовая горка.

– Действительно! – заорал мужик так, что со стены упал календарь. – Я действительно не у-би-вал свою жену! Я... я... я... – Он рухнул на стул и горестно схватился за голову. – Я не знаю, кто это сделал, но милиция подозревает меня! С меня даже взяли подписку о невыезде. Господи, да они все просто уверены, что это сделал я!!!

Ситуация называлась «клиент созрел», и Сева осторожно пощупал ту пачку евро, которая лежала к ближнему к нему.

– Давайте по порядку, – вкрадчиво начал он. – Во-первых, успокойтесь. – Фокин придвинул к клиенту стакан и графин с водой, в свежести которой не был уверен.

– Я спокоен. – Мужик выпил воду прямо из графина, а остатки вылил себе на голову, намочив волосы, пиджак, расхлябанный галстук и брюки. – Я спокоен как танк.

– Скажите, откуда вы обо мне узнали?

Клиент нервно порылся в кармане брюк, словно снова отыскивая там пачку денег, но вместо евро вынул визитку и показал её Фокину.

– Вот, – сказал он. – Тут написано «Всеволод Фокин, частный детектив». Это ваша визитка?

– Моя. – Сева с удивлением покрутил картонный прямоугольник в руке. – А откуда она у вас?

– Девчонки дали, которые живут по соседству от того места, где убили мою жену. Узнали о моём горе и дали эту визитку, сказав, что вы хороший специалист.

– Постойте! – подскочил Сева. – Так вы Говорухин? Банкир?!

– Меня зовут Александр Петрович, – поморщился Говорухин, словно собственное имя внушало ему отвращение. – Да, я банкир. Раз вам известна моя фамилия, значит, обстоятельства дела вам тоже известны. Моя жена Жанна вчера зачем-то приехала в квартиру своей бабки, которая на тот момент находилась в больнице, а около полуночи Жанну с проломленной головой обнаружила соседка. Кто-то зарубил мою жену кухонным топориком.

В квартире не нашли следов присутствия постороннего человека и поэтому, слышите вы, – именно поэтому! – парни из уголовного розыска сделали вывод, что жену убил я! Типа следов борьбы нет, убитая сама открыла преступнику дверь, не испугалась его, не запаниковала, спокойно повернулась к убийце спиной, а значит, это был её муж! Бред!!! – Говорухин вскочил и пробежался по комнате как хомяк по стеклянной банке – не видя стен и натываясь на них то и дело. – Бред! – Он сел снова на стул. – Бред, бред, бред! Разве можно так тупо мыслить?

– Нельзя, – согласился с ним Фокин. – И поэтому нам придётся начать сначала. Возьмите себя в руки и чётко отвечайте на мои вопросы.

– Хорошо, – кивнул Александр Петрович и поспешно добавил: – Я постараюсь.

– У вас есть алиби? – задал главный вопрос Сева.

– Если бы у меня было алиби, я бы сюда не пришёл! – завопил Говорухин. – Вы что, тупой?! – постучал он себя по лбу.

– Вы обещали успокоиться и отвечать на мои вопросы. Иначе я не буду работать. – Севка демонстративно отодвинул от себя горю розовых денег.

– Простите, – мигом успокоился Говорухин. – Нет, алиби у меня нет. Вчера вечером, когда моя жена неизвестно зачем потащила в квартиру своей долбанной бабки, у меня было отвратительное настроение. Я долго просидел на работе, а когда вышел из банка, решил поехать не домой, а куда глаза глядят. Я часто так делаю, когда на сердце тоска, в душе смятение, а дома ждёт жена с вечным вопросом «Где был?» Я ездил часа два, – просто так, чтобы развеяться, – и вдруг обнаружил, что нахожусь возле Северного кладбища, где похоронен мой армейский друг Денис Полыханов. Он погиб в Чечне, остался после срочной службы служить там по контракту. Я решил навестить Дениса. Взял с собой коньяк, сигареты, и просидел возле могилы час... или два, или три, я точно не знаю, потому что не смотрел на часы. Уже стемнело, а я всё сидел. Выпил немного, стопочку, или две... Поговорил с другом, всё ему рассказал, вспомнил как классно мы жили в армии, как всё было просто и честно – никаких тебе закидонов, тонкостей и полутонов. Потом я поехал домой, поставил машину в гараж и через кухню, чтобы не встречаться с Жанной, поднялся к себе в кабинет. Разделся, лёг на диван и уснул. А ночью ввалились менты и заявили, что я убил Жанну. Прежде чем на меня надели наручники, я позвонил своему адвокату. Подключив все свои связи, он с трудом уговорил оперов и следователя не прятать меня в изолятор, а отпустить под подписку о невыезде. Меня потащили на место происшествия, показали кухню, залитую кровью, труп... Но это не я! Я пил коньяк на могиле, но подтвердить это может только Денис! Утром я ещё раз поехал на место происшествия, чтобы поговорить с соседями и, может, денег им сунуть, чтобы подтвердили, что меня никогда в жизни в этом дворе не видели, но встретил милых девчонок, которые дали мне вашу визитку. Вот, собственно, всё.

– Вашу машину вчера вечером не останавливали гайцы?

– Нет.

– Кто-нибудь из охраны или прислуги видел как вы вернулись домой?

– Прислуга уходит в восемь вечера и приходит в восемь утра, а охрану я не держу, мне достаточно тревожной кнопки.

– Да-а, – побарабанил пальцами по столу Севка. – Первый раз сталкиваюсь с ситуацией, когда алиби может подтвердить только покойник.

– Так вы возьмётесь за моё дело? – шёпотом спросил Говорухин.

– Я за него уже взялся, неужели вы не заметили? Только одно обстоятельство меня очень смущает...

– Какое?

– По-моему, вы совсем не горюете по поводу смерти своей жены. Просто убиваетесь, что вас посадят, но не более того.

– Я никогда не любил Жанну. – Говорухин закрыл глаза и откинулся на спинку стула. – Об этом все знали, и это только усугубляет подозрения в мой адрес.

– Зачем же вы женились на ней?

– Как бы вам объяснить... – Говорухин похлопал себя по карманам, достал пачку каких-то диковинных сигарет с золотым фильтром и закурил. – Когда в жизни добиваешься определённого успеха, то женитьба по любви – непозволительная роскошь. Начинаешь думать о пользе дела, а не о чувствах.

– И какую пользу приносила вам Жанна?

– Её отец – известный депутат, член комитета Госдумы по финансовому рынку Владимир Назаров. Женитьба на Жанне во многом развязала мне руки. В то время, когда многие банки загнулись, я не только выжил, но и открыл несколько филиалов по всей стране.

– Но разве это не гарантирует вас от подозрений в убийстве жены? Если вы женились по расчёту, и этот брак приносил выгоду, зачем вам убивать супругу? – удивился Фокин. – Странно рубить сук, на котором сидишь.

– Не знаю... Ничего не знаю и не понимаю... Сейчас модно выводить на чистую воду таких зажавшихся уродов как я... – Говорухин в отчаянии закрыл руками лицо. Сигарета тлела в его дрожащих пальцах. – А самое главное, – продолжил он, – что Жанкин отец мне не верит. Почему-то он уверен, что его дочь убил именно я. Если вы не поможете мне, я погиб...

Ни один банкир не говорил Фокину «я погиб». Ни один банкир не платил розовой наличкой только за то, чтобы он, Севка Фокин, согласился помочь ему.

Да...

Это тебе не трусы искать...

Получается, Лаврухин обеспечил его работой, да такой, за которую передрались бы все частные детективы страны.

Севка покосился на кучу денег, с трудом веря, что в случае успеха сможет распоряжаться ей по своему усмотрению: забрать из ремонта машину, заплатить всем и вся, нанять наконец секретаршу и уехать в какую-нибудь экзотическую страну, Индию, например. Или Вьетнам. Там он сможет проветрить мозги чужим воздухом, чужими традициями, чужой культурой и чужими женщинами. Может быть, он даже женится на индийской или вьетнамской девушке и привезёт её сюда, чтобы щи варила и пироги пекла...

Севка вздохнул.

– Мне нужно три дня, – сказал он. – Если за это время я докажу, что Жанну убили не вы, то заберу всю сумму, – кивнул он на деньги. – Если нет, то... – Севка вытянул одну увесистую пачку денег и сунул её в карман. – То это мне на расходы. Оставьте мне все свои координаты, номер и марку машины, а сами езжайте домой. Теперь убийство вашей жены – моя забота. Когда будет нужно, я свяжусь с вами.

Говорухин быстро записал на бумаге адреса, телефоны и встал.

Отчаяние на его лице погасло, уступив место усталости.

– Не переживайте, – Севка тоже встал и похлопал банкира по плечу. – В Помпеях тоже все жили долго и счастливо. И умерли в один день!

– Это вы к чему? – нахмурился Говорухин.

– Это анекдот. Вам не смешно?

– Ха-ха-ха! – громогласно провозгласил Александр Петрович и смерчем вылетел из кабинета, оставив после себя запах сигарет и сандала, который, очевидно, присутствовал в его парфюме.

Фокин быстро убрал деньги в сейф и достал оттуда пистолет.

Не успел он пристроить оружие, как в кабинет без стука ввалился Лаврухин.

– Я всё знаю, – задыхаясь, сообщил участковый. – Говорухину грохнули! Господи, слава богу, что я успел уйти в отпуск! – Вася упал на стул и размашисто утёр пот со лба. –

Слушай, а что это ейный мужик у тебя делал? Его же в изоляторе должны держать, он первый подозреваемый!

Сева проверил обойму, дунул, как полагается, в ствол, сунул пистолет в кобуру, а кобуру уже пристроил со смыслом – под пиджак, на пояс, – чтобы и не видно было, но угадывалось.

– «Ейный» мужик тут музыку заказывал, – пояснил Сева. – Слышь, Вася, ты мне что вчера обещал? Что всегда в моём распоряжении будешь, если я трусы и лифчик найду?! Так вот, бельишко находится у твоих свидетельниц в целости и сохранности, они его от дождя спасли. Можешь закрывать дело. А мне твоя помощь нужна.

– Я в отпуске! – заартачился Вася.

– Это ты для начальства в отпуске, – доверительно наклонился к Лаврухину Сева. – А для меня ты ценный кадр с доступом к оперативной информации.

– Ясно, – сник Вася. – Значит, Говорухин заказал тебе поиск убийцы своей жены. Он типа не при чём. Да врёт он! Сам жену грохнул! Это даже дебилу понятно!

– Вася, мне не нравится в этой версии три момента. Первое, что человек с банкирскими мозгами убивает жену тем, что попадает под руку – в данном случае, кухонным топором.

– Аффект, – буркнул Вася.

– Второе, что он делает это не где-нибудь, а в квартире её бабки. Зачем?! Его куча соседей могли заметить, когда он входил в подъезд!

– Аффект! – крикнул Вася. – Узнал, где жена с любовником встречается, вломился в квартиру и грохнул её первым, что под руку подвернулось!

– Он не любил жену. Ему по большому счёту плевать было, где и с кем она встречается. И потом, где любовник? Почему он его не убил?!

– Любовник сбежал, – выдвинул очередную версию Вася. – Это был очень проворный любовник!

– И третье, – продолжил Сева. – Какого чёрта Говорухин после убийства пошёл домой и, как ни в чём ни бывало, лёг спать?! Его же сонного дома повязали!

– Аффект! – заорал Вася. – Аффект и чувство вседозволенности! Если бы у тебя было столько денег, сколько у него, ты бы тоже пошёл домой спать после того как кого-нибудь грохнул.

– Если бы у меня было столько денег, сколько у него, я бы никогда не испытывал чувство аффекта, – вздохнул Сева. – Ты вот что, Василий, собери-ка мне всю информацию, которая есть по этому делу у следствия. А в два часа ночи я жду тебя по адресу, где произошло убийство. Будем вскрывать опечатанную хату и осматривать место происшествия.

– Ва-а! – схватился за голову Лаврухин. – Это называется должностное преступление.

– Это называется взаимовыгодное сотрудничество, Лаврухин. Давай, Вася, шевели лапами. А то я в одностороннем порядке чеснок жру, внешность свою порчу, имидж перед красавицами теряю, а ты всё только обещаешь.

Лаврухин встал и поплёлся к двери. Взявшись за ручку, он вдруг замер.

– Слышь, Севка, а сколько тебе этот хмырь обещал заплатить, если ты докажешь, что не он жену грохнул?

– «А вот вам к тарту изюминка», – сказала ворона, пролетая над пикником, – широко улыбнулся Фокин.

– Понял, – кивнул Лаврухин. – Тебе торт, мне – изюминка. Победила дружба.

Лаврухин ушёл, а Севка высоко подпрыгнул, издав вопль счастливого орангутанга.

У него наконец-то появилась работа, а значит – конец безделью, безденежью и ощущению, что ты мартышка, которая орёт «Кризис!».

* * *

Ровно в два часа ночи Фокин зашёл в подъезд дома, где убили жену банкира. В подъезде было темно – глаз выколи, и сильно воняло кошками. Не успел Сева сделать и двух шагов, как со стороны подвала к нему кинулась длинная тень.

Не раздумывая, Фокин зарядил «тени» под дых. Она хрюкнула и осела на два колена.

Севка подсветил себе фонарём и увидел мужика с чёрным казацким чубом и такими же залихватскими усами.

– Сволочь, – сказал гуцул голосом Васи. – За что?!

– Лаврухин, ты, что ли?! – Фокин подёргал Васю за чуб. – А парик с усами зачем?

– Так меня же здесь знают все, – держась за живот, Лаврухин поднялся с колен. – Если кто увидит, греха не оберёшься... Поди потом, докажи, что ты не верблюд, если в опечатанную квартиру полез! Я все лампочки выкрутил и заgrimировался.

– Уж делал бы что-то одно – или гримировался, или лампочки выкручивал. А то перебрал с конспирацией, за что и получил, – засмеялся Севка.

– Фонарь выключи! – зашипел на него Вася.

Они поднялись на второй этаж и остановились возле двери, опечатанной бумажной лентой.

– Васька, тут всего-то второй этаж, давай через балкон заберёмся, – предложил Сева, долго занимавшийся скалолазанием и покоривший не одну вершину.

– Ага, счас! – шёпотом завопил Лаврухин. – Чтобы я себе в отпуске ноги переломал?! Сам ползи, паук, а я... – Вася достал из кармана камуфляжной куртки связку отмычек и незаметным, ловким движением вскрыл замок.

– Да ты классный взломщик! – искренне восхитился Фокин.

– Я классный мент, – огрызнулся Лаврухин.

В квартире пахло затхлостью, старостью и каким-то лекарством – валерьянкой, что ли, – Сева не понял.

– Где её убили? – шёпотом спросил он.

– На кухне, – ответил Лаврухин и, точно определив направление, двинул на кухню.

Фокин включил фонарик и, светя себе под ноги, пошёл за ним.

Возле стола корявый меловой контур обозначал месторасположение тела. Судя по контуру, Жанна лежала головой к окну, ногами к двери. На полосатом коврике темнело большое пятно крови. В остальном, кухня была как кухня. Ни депутатскими, ни банкирскими доходами тут и не пахло. Бабка у Говорухиной жила нарочито скромно, оставив в обстановке советскую мебель, домотканые половики, герани в горшочках и допотопный радиоприёмник на стене.

– А где топор? – спросив Севка, сядясь на корточки и шаря по полу лучом фонаря.

– У криминалистов, – чрезвычайно язвительно ответил Лаврухин. – А ты думал, орудие убийства тебе оставят?

– Я думал, ты раздобудешь для меня оперативную информацию.

– Я и раздобыл! За бутылку водки и банку солёных огурцов! Меня тёща угробит теперь на хозяйственном фронте...

– Меня тёща твоя не волнует. Я с утра честно чесноком вонял и в штанах тренировочных перед девчонками позорился, так что огурцы и водка – не самая большая жертва. Давай, Василий, выкладывай, что нарыл.

– На топоре нет отпечатков пальцев, – монотонно забубнил Лаврухин, словно отбывая тяжёлую повинность. – Следов пребывания в квартире посторонних людей тоже не обна-

ружено. Жанна открыла дверь убийце сама, а, уходя, тот просто захлопнул за собой дверь. Соседи ничего подозрительного не видели. Часов в десять в квартиру на третьем этаже приезжала «Скорая». Врач сказала, что когда проходила мимо этой квартиры, слышала женский голос, который громко сказал: «Я никого не держу! Пусть уходит, если захочет!» Врач подумала, что женщина разговаривает по телефону, но проверка показала, что ни с квартирного, ни с мобильного Жанны никто не звонил. Значит, Говорухина разговаривала с кем-то в квартире.

Водитель «Скорой» рассказал, что пока врач была на вызове, из подъезда вышел высокий парень и попросил у него прикурить. Парень нервничал и пальцы, которыми он держал сигарету, сильно дрожали. Прикурив, парень быстро ушёл в сторону остановки. На опознании водитель указал на Александра Говорухина и сказал: «Вроде бы на него сильно похож». Вот, собственно и всё. Да, удар нанесён сзади, по всей видимости, неожиданно. В руке у Говорухиной была зажата зажигалка для газовой плиты, по всей видимости, она собиралась напоить гостя чаем. – Лаврухин кивнул на стоящий рядом с печкой металлический чайник. – Скажи, Фокин, какого убийцу собираются поить чаем? Правильно, только хорошо знакомого.

Севка присел возле стола, где стояли две чайные чашки и сахарница.

– А ты мне вот что скажи, Лаврухин, – задумчиво произнёс он, – в твоей практике когда-нибудь случались убийцы, которые, убегая с места преступления, просили прикурить у первого встречного?

– Аффект! – Вася с такой силой подёргал себя за чуб, что парик съехал набок. – Я который раз говорю тебе – аф-фект!!

– Ага, а отпечатков нигде нет, даже на топоре, – хмыкнул Фокин. – Разве в состоянии помутнения рассудка перчатки надевают?

– Перчатки, может, и не надевают, – выпучив глаза, зашипел Вася, – а вот полотенцем... – Он сорвал с гвоздя полотенце и потряс им перед носом у Фокина. – Полотенцем любой дурак догадается отпечатки стереть. Даже в состоянии аффекта! – Вася отбросил полотенце на подоконник. – И, кстати, попросить закурить у первого встречного, убегая с места преступления, можно тоже только в состоянии аффекта! Ты, Фокин, за деньги работаешь, тебе во что бы то ни стало надо доказать, что банкир не убийца, а я... я в отпуске. Поэтому я объективнее.

– Вот потому, что ты в отпуске, ни фиги ты не объективнее! – Севка встал и, подсвечивая себе фонариком, пошёл осматривать квартиру.

Ох, и не любил он всю эту мутоту – осмотры, версии, основанные на догадках, сомнительные показания сомнительных свидетелей... Севка любил – вспышку, озарение, которые происходили в мозгу и которые никогда не подводили его. У Севки была потрясающая интуиция. А ещё он любил погони. Стрелял Севка снайперски, впрочем, снайпером он и был – в армии.

В общем, вся эта рутинная работа с поиском следов и свидетелей была ему не по вкусу, хотя именно она и составляла девяносто девять процентов всей деятельности любого частного детектива.

Лаврухин завис на кухне со своим гуцульским чубом и идеей аффекта, а Фокин, обшарив комнату, не обнаружил в ней ничего подозрительного и удивительного. Недовязанный носок на кровати, пузырёк корвалола на тумбочке и... портрет Сталина на стене.

В ванной всё обстояло столь же безлико и по-стариковски убого. Хозяйственное мыло в мыльнице, жестяной тазик, стиральная доска вместо машины и ковшик вместо сломанного душа.

– Вот жмоты, – возмутился Фокин, – не могут старухе быт обустроить. Богатеи хреновы!

Луч фонаря скользнул по стене, по унитазу, по раковине, и вдруг выхватил в узком фаянсовом пространстве возле крана что-то изящное, маленькое и блестящее. Севка нагнулся, настойчиво оперев луч фонарика в свою находку.

– Вась! – позвал он. – Иди сюда!

– Ну чего? – приплёлся Лаврухин. – Дохлого таракана нашёл?

– Глянь сюда, – кивнул Сева на раковину.

– Ну, колечко, – пригнувшись, Вася без интереса посмотрел на предмет, который освещал луч света. – И что?

– Вась, я, конечно, понимаю, что ты в отпуске, а я за деньги работаю и поэтому менее объективен, чем ты, но сам подумай, откуда у бабки золотое кольцо с топазом?

– Это кольцо Жанны. Она мыла руки, вот и сняла его. А надеть забыла!

– Не-ет, – улыбнулся Севка, чувствуя, что тот самый триумфальный момент настал: вот она – вспышка, мысль, озарение, которое может привести к разгадке. Двумя пальцами, осторожно, он взял кольцо. – Не-ет, Лаврухин! Это колечко тысяч двадцать рублей стоит, не больше. По банкирским меркам – дешёвка. Штамповка питерского или московского завода. Не стала бы Жанна Говорухина свой статус портить таким колечком. Она трусы, извините, дороже носила. Нет, это не её колечко.

– А чьё?! – вылупился на Севу Лаврухин.

– Женщины среднего достатка.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что это кольцо женщины среднего достатка.

– У меня отпуск! – заорал Лаврухин. – Я домой хочу! Спать!

– Тише, – взмолился Сева. – Тише, а то нас как грабителей заметут твои же коллеги. – Фокин сунул кольцо в карман и вдруг отчётливо услышал, что в замке поворачивается ключ.

– Ох, ё! – присел от страха Лаврухин.

Погасив фонарь, Севка вытолкал Васю в коридор, а потом в комнату.

– На балкон, на балкон давай! – шёпотом завопил Фокин.

– Где?! Где балкон-то?! – заметался в темноте Лаврухин. – Нет балкона!

В коридоре уже открывалась дверь, искать балкон было некогда.

Фокин плюхнулся на пол и втиснулся под кровать.

Лаврухин сделал то же самое, с той только разницей, что оказался не на полу, а на Севе: места под узкой кроватью на двоих не было, поэтому получилась шаткая пирамида – Севка, сверху Лаврухин, а на нём деревянная узенькая лежанка, ножки которой оторвались от пола. Кровать чутко реагировала на любое движение, вибрируя при каждом вдохе и выдохе своей «живой подставки».

– Ноги подтяни! Торчат до середины комнаты, – шепнул Сева Лаврухину, чей затылок упирался ему в лицо.

Лаврухин согнул колени, отчего кровать ещё больше вздыбилась и приподнялась над полом.

В более бездарную ситуацию Севка в жизни не попадал.

В особенности его смущало положение снизу. Вернее – «под».

Парик Лаврухина пах табаком и синтетикой, отчего Фокину стало совсем тошно.

Тот, кто вошёл в квартиру, потоптался в коридоре и вошёл в ванную.

– Лучше бы я к теще на дачу поехал, – еле слышно шепнул Лаврухин.

– Теперь ты обязан на мне жениться, сволочь, – крикнул в ответ Фокин.

– А, по-моему, ты на мне.

– Мысль интересная! Но я тебя не люблю.

– Я тебя тоже. Можешь не дёргаться подо мной, противный?

– Если только ты перестанешь ёрзать на мне, дорогой.

Они замолчали, потому что дверь ванной открылась, и кто-то, стараясь ступать бесшумно, зашёл в комнату. Вспыхнул слабый голубоватый свет, Севка подумал фонарик, но по коротким электронным «пикам» догадался, что это мобильный.

И тут Фокин увидел удивительные ботинки. Рыжие, огромные «казаки», размера сорок восьмого, длинные носы которых зрительно делали их ещё больше.

– Я ничего не нашёл, – сказал густой бас взволнованно. – Да, я очень хорошо посмотрел! Знаешь, у меня впечатление, что в квартире побывал кто-то, кроме оперативников и следователей. Печать сорвана и... чесноком очень сильно воняет.

Ботинки вплотную подошли к кровати, носками едва не коснувшись Севкиной щеки, развернулись пятками и...

Парень, болтавший по телефону, со всего маху сел на кровать. Килограммов в нём было, наверное, около ста, а, может, и больше.

Фокин почувствовал себя мухой, погибающей от удара тапком. Или кто там от этого погибает...

– Б... дь, – громко сказал Лаврухин. – Я в отпуске, или где?

В ответ раздался короткий выстрел. Пуля с мерзким визгом впилась в изголовье кровати, «казаки» метнулись к окну. Ещё три выстрела пробуравили стену и сшибли на пол горшок с геранью.

Пальба была, как принято говорить, «беспорядочной» и сильно отдавала дикой паникой.

Извернувшись, Фокин выкатился из-под Лаврухина, на ходу выдёргивая из кобуры пистолет.

В отличие от Лаврухина, непрошенный гость быстро нашёл балконную дверь. Вырвав шпингалет с мясом, он рывком распахнул её и молниеносно, без тени сомнений, сиганул со второго этажа вниз.

Севка бросился за ним на балкон, и даже прицелился, и даже «Стой, буду стрелять!» крикнул, и даже пальнул предупредительно в воздух, но большой силуэт в огромных ботинках, петляя, скрылся за углом соседнего дома.

– Ну, что? – подошёл сзади Вася. – Ушёл?

– Лаврухин, гад, ты мог промолчать, когда он на нас сел? – горестно спросил Севка.

– Нет, – покачал головой Вася и вдруг заорал, забыв о конспирации, о том, что они стоят на балконе: – Нет! Я не могу молчать, когда на меня садится какой-то... какой-то...

– Чудак, – подсказал Сева.

– Мудак! Я... я в этом...

– Отпуске!

– Да! А он меня чуть не...

– Раздавил.

– Убил! – Лаврухин сорвал с головы парик, утёр им лицо и надел обратно, чуть набекрень.

– Если мы немедленно отсюда не уберёмся, нас поймают твои коллеги, – заметил Сева.

Лаврухина как ветром сдуло. Фокин едва успел выскочить за ним из квартиры, прыжками преодолеть лестницу и выбежать из подъезда.

Так быстро в последний раз он бегал только в туалет, когда отравился грибами.

* * *

– Это было пошло, Вася, – в третий раз повторил Фокин, когда они с Лаврухиным шли по ночному парку, сокращая путь к остановке. – Ну что это такое: «Б... дь, я в отпуске, или где?».

– Но я действительно в отпуске! Какого чёрта я должен лежать мало того, что на тебе, мало того, что под кроватью, так ещё и под чьей-то преступной задницей!

– Если бы ты под этой задницей промолчал, Вася, мы бы узнали много интересного. Лаврухин промышал что-то невразумительное.

– Впрочем, мы и так многое выяснили, – оптимистично заявил Сева, нащупав в кармане колечко с топазом. – Во-первых, кто-то пришёл ночью на место преступления, и это был точно не Александр Петрович. Низкий голос и рыжие «казаки» Говорухину явно не принадлежат. Во-вторых, у этого типа был ключ от квартиры, и его не остановило, что она опечатана.

– Мы сорвали печать, – буркнул Лаврухин.

– Неважно. Его всё равно ничего не остановило! В-третьих, он искал что-то, и я, кажется, догадываюсь, что.

– Я тоже не дурак. Кольцо он искал, потому что кроме ванной, никуда не заходил.

– Правильно. А это значит, что у него есть сообщник.

– Сообщница, – поправил Вася, с тоской глядя на отъезжающее от остановки такси.

– Ты молодец, – хлопнул его по плечу Сева. – Конечно, сообщница! Её кольцо осталось в ванной, и очевидно это очень серьёзная улика, раз он за ним примчался. И, в-четвёртых, у него было с собой оружие, причем, боевое, а не какая-нибудь там пневматика.

– Так почему, – Лаврухин резко остановился и нервно полез в карман за сигаретами, – почему этот урод, если он и есть убийца, просто не пристрелил Говорухину? Почему он зарубил её топором?!!

– Потому что топором тук – и готово! Никакого шума, – пояснил Сева.

– Господи, как мне всё это неинтересно, – Лаврухин закурил, глубоко затянувшись. – Я даже картошку готов тёще полоть, лишь бы отдохнуть от этого криминала.

– Эх, жалко бабка в реанимации, – вздохнул Фокин. – Допросить бы её с пристрастием! Я думаю, что мужик в «казаках» – это любовник Жанны. Но вот кому он звонил? Если у него не сообщник, а сообщница, значит... Смотри, какая интересная цепочка получается. У Говорухиной есть любовник, а у любовника есть любовница...

– У любовницы ещё один любовник, а у того любовника ещё любовница. И они друг друга мочат топориками. Не смешно.

Сева забрал у Лаврухина сигарету и затянулся. Он уже лет пять пытался бросить курить, поэтому своих сигарет не имел.

– Ты вот что, – сказал он Лаврухину, – разыщи-ка мне бабкиных подружек и расспроси их как следует. Если у Жанны был любовник, и она встречалась с ним в бабкиной квартире, то её бабулька как пить дать растрепала об этом своим приятельницам. Так что бабкины подружки должны быть в курсе и кто он, и чем занимается, и как выглядит. Когда узнаешь, как его зовут, пробей по компьютеру, что за ним числится: сидел, не сидел, привлекался, не привлекался. Ну, ты сам знаешь...

– Совсем оборзел? – опешил Лаврухин. – Ты чего, перележал под моим телом?! Я тебе мозг раздавил?!!

– Да, и узнай, пожалуйста, бабка эта со стороны депутата Владимира Назарова, или со стороны матери? Это может быть важно. А ещё самого депутата на всякий случай пробей, не числится ли за ним каких скандалов и махинаций.

– Нет, это как называется? – пробормотал Вася. – Как это называется, я спрашиваю?!

– Взаимовыручка.

– А пятки тебе не почесать в качестве взаимовыручки?! – завопил Лаврухин. Он вырвал у Фокина сигарету, докурил её одной длинной затяжкой и точным щелчком запулил в урну.

Сева поймал вынырнувшее из-за угла такси и похлопал Лаврухина по плечу.

– Анекдот знаешь? Приходит Илья Муромец к царю и говорит: «Вот тебе голова Змея Горыныча». А царь ему: «Ну, как обещал, вот тебе рука царевны!»

– Опять расчленёнка, – поморщился Вася, садясь в жёлтую «Волгу». – Слушай, дай денег на тачку, сволочь! Я что, за спасибо работаю?

– За большое спасибо, – захохотал Севка, захлопнув за ним дверь.

Такси рвануло с места, оставив в воздухе чёрный выхлоп и вонь сгоревшего масла.

* * *

Остаток ночи предстояло как-то убить, но уж точно не сном в каморке Маргариты Петровны.

Был у Севки один заветный адресок, где ему радовались и днём и ночью, где принимали и голодного, и больного, и без гроша в кармане, и злого, и даже пьяного.

Фокин достал из кармана мобильный, нашёл нужный номер и нажал «вызов».

– Привет, – сказал сонный голос. – Ты вспомнил, что у меня день рождения?

– Шуба! – заорал Севка, испытав лёгкий укол совести. – Поздравляю! Сколько тебе стукнуло?

– Семнадцать, – фыркнула Шуба.

– Семнадцать тебе было, когда мне восемнадцать шарахнуло, – засмеялся Севка.

– А чего тогда спрашиваешь?

– Чтобы услышать, что тебе снова семнадцать, – улыбнулся Сева. – Как смотришь на бутылку мартини, букет цветов и очередного плюшевого медведя?

– Хорошо смотрю. Только мне с утра на работу.

– Тем более грех не отметить в три часа ночи семнадцатый день рождения.

Шуба работала инструктором по вождению и работу свою очень любила. Больше работы она любила только Севку Фокина, и Фокин об этом прекрасно знал. Взаимностью Севка на это чувство не то, чтобы не отвечал, – нет, он любил Шурку Шубину, но как... боевую подругу, как давнего, надёжного друга и как «своего парня». Между ними случался иногда «дружеский секс», (для Севки, во всяком случае, «дружеский»), – но никогда, – никогда! – Фокин не рассматривал Шубу как свою любимую женщину. Для этого у неё была слишком невнятная грудь, совсем недлинные ноги, чересчур короткая стрижка и перебор крупных рыжих веснушек, которые оккупировали её нос, плечи, маленькие крепкие руки и даже уши.

Но главное – они слишком давно знали друг друга.

Так давно, что ходили на один горшок в детском саду.

Разве можно воспринимать женщину женщиной, если лепил с ней в одной песочнице куличи?

У Севки на этот вопрос был однозначный ответ – НЕТ. С ней можно разговаривать разговоры, доверять тайны тайные, пить недорогое вино, дарить ей цветы и плюшевых мишек, с ней даже можно иногда заниматься незатейливым сексом, но любить – ни за что.

Любить нужно длинноногую голубоглазую блондинку с проколотым пупком, с шоколадным загаром, с татуировочкой в интересном месте, улыбчивую и незлобивую, может быть, чуть глупенькую, чтобы самому казаться умнее. Он до сих пор не встретил такой блондинки, хотя их было вокруг пруд пруди, и в этом состоял парадокс его, Севкиного, до сих пор свободного сердца.

Он взял со стоянки машину, которую днём наконец-то забрал из ремонта, затарился в магазине провизией, там же купил розового медведя с бантом на шее и поехал к Шубе коротать до утра время.

* * *

Шуба встретила его в шортах и тельняшке навывпуск.

– Хорошо выглядишь, – похвалил её Сева, протягивая букет и медведя с бантом.

– Проходи, – Шуба взяла цветы, сунула медведя под мышку и прошла в комнату.

Поправив перед зеркалом взъерошенные волосы, Севка разулся.

– Иди поцелую! – раскинув руки, подошёл он к Шубе.

Пожалуй, сегодня был тот самый день, когда Фокин не отказался бы от порции того самого незатейливого «дружеского секса».

Шуба поставила цветы в вазу с водой и посадила медведя на спинку дивана, где сидели по меньшей мере штук пятнадцать таких же медведей – маленьких и больших, в зависимости от состояния Севкиного кошелька на момент её прошлых дней рождений.

– Что-то не хочу я, чтобы ты меня целовал, – повернулась Шуба к нему.

– Почему? – удивился Севка.

Не было ещё случая, чтобы Шуба увиливала от его поцелуев.

– Мне кажется, от тебя чесноком воняет.

– Тьфу ты, – засмеялся Фокин, – а ведь я и правда с утра чеснок ел!

– Зачем?

– По работе.

– У тебя всё всегда «по работе», – вздохнула Шуба и пошла на кухню.

На столе уже дымилась в сковородке жареная картошка, блестели пупырчатыми боками любимые Севкой солёные огурцы.

– О-о, – застонал он от удовольствия, хотя нисколько не сомневался, что Шуба после его звонка сразу метнулась на кухню и развела там бурную деятельность по приготовлению его любимого блюда – жареной картошечки на сливочном масле и обязательно с корочкой.

Севка выгрузил из пакета на стол бутылку мартини, сыр, оливки, зелень, колбасу, нарезки копчёностей, апельсины, шоколад и огромный ананас размером с футбольный мяч.

– Ого! – удивилась Шуба. – Да ты никак заказ хороший срубил?!

– Срубил, – Севка всё же поцеловал её в свете предстоящего секса, но не в губы, а в стриженный затылок. Короткие волосы защекотали нос, Фокин чихнул и разлил по бокалам мартини.

– Ну, за твоё семнадцатилетие! – поднял он бокал.

Они выпили, снова выпили и только потом закусили.

– А я думала, что ты про меня забыл, – быстро захмелев, сказала Шуба и элегически подпёрла кулаком подбородок. – Я весь день ждала твоего звонка. И весь вечер. Даже телевизор не включала.

– Замотался, – пояснил Севка, наворачивая картошку и закусывая её огурцом. – Мне, знаешь, какой заказ подвалил? У банкира топором жену зарубили, а обвинили его.

– А это не он? – Шуба тоже захрустела огурцом и закинула босые, поросшие лёгким пушком, ноги Севке на колени.

– Я думаю, нет. Вернее, я уверен, что это не он. – Севка коротко рассказал Шубе о своих сегодняшних похождениях.

Шуба слушала внимательно – она всегда интересовалась Севкиной жизнью, в том числе и работой, в то время как он выслушивал её рассказы о бестолковых учениках вполуха. У Шубы было высшее философское образование, и лишь однажды Фокин спросил её, отчего она с такими знаниями пошла работать инструктором по вождению.

– А где ещё философом быть? – усмехнулась Шуба в ответ. – Только на дороге с дурой-блондинкой за рулём, которая пришла на курсы не для того, чтобы научиться водить, а для

того, чтобы пофлиртовать с загорелым мачо-инструктором. А тут я – рыжая и не мачо. Я им Ницше цитирую.

– А они? – захохотал Севка.

– А они тормозят газом, – вздохнула Шуба и добавила: – Нет, бывают, конечно, умные девушки, которые любят Ницше, но... они на курсы вождения почему-то не ходят.

...Закончив свой рассказ тем, что не дал Лаврухину на такси денег, Севка снова разлил по бокалам мартини и взял солёный огурец.

Пить мартини с солёными огурцами его научила Шуба лет десять назад. Это называлось у неё «демократизация», «оптимизация» и ещё как-то, Севка забыл...

– Как, говоришь, зовут жену банкира, которую убили? – Шуба сдёрнула ноги с Севкиных коленок и вскочила. – Жанна Говорухина?

– Говорухина Жанна Владимировна.

– Так я её знаю! Вернее, теперь уже получается – знала. – Шуба залезла с ногами на подоконник и закурила.

– Да ну? – удивился Севка, но тут же недоверчиво пояснил: – Ты не могла её знать, вы обитали в разных слоях атмосферы.

– Я её учила водить, – улыбнулась Шуба, показав белые крепкие зубы с маленькой щербинкой в верхнем ряду.

– Говорухина ходила на курсы вождения? – поперхнулся Севка.

– Нет, я занималась с ней в индивидуальном порядке. Увидела в газете объявление «Требуется инструктор по экстремальному вождению» и позвонила. Жанна предложила за несколько занятий приличные деньги, я согласилась. Да я же тебе рассказывала об этой истории! Это было месяца три назад, весной.

– Не помню, – признался Севка.

– Конечно, не помнишь, – усмехнулась Шуба, выпустив через нос тонкую струйку дыма. – Ты же меня никогда не слушаешь!

– Слушаю! – Севка подскочил к ней и схватил за коленки. Даже на них были веснушки – маленькие, солнечные и очень родные. Фокин чмокнул Шубу в эти веснушки. – Я слушаю, но всё забываю. Скажи, а на хрена Говорухиной понадобилось учиться экстремально водить?

– Странный ты, Фокин, – прищурилась Шуба. – Не могла же я её об этом спросить. Сам говоришь, мы обитали в разных слоях атмосферы!

– Ну да, – поскущел Севка, забирая у Шубы сигарету.

Они всегда так курили – одну на двоих.

– Я, конечно, её ни о чём не спросила, но она сама мне сказала! – улыбнулась Шуба.

– Зараза ты, Шуба! Ну, говори быстрее...

– Жанна захотела участвовать в уличных гонках. Другими словами, стать стритрейсером.

– Ну, ни фиги себе! По-моему, это занятие для чокнутой молодёжи, а не для жён банкиров.

– Ошибаешься. Это занятие для всех. Кстати, очень увлекательное. Я пару раз участвовала в таких гонках, мне понравилось. В городе есть несколько группировок, которые гоняют по ночам на машинах. Что-то типа клубов, или нет, скорее, просто тусовок. Иногда гонки проходят на классические четыреста два метра, но тогда соревнуются на загородной трассе и дорогу перекрывают. Но чаще, в черте города это просто гонялки с элементами городского ориентирования.

– Насколько я понимаю, в гонках побеждает тот, кто виртуознее и быстрее проходит маршрут по городским улицам?

– Да, сложность городских гонок состоит в том, что машины несутся не по специально оборудованной трассе, на которой перекрыто движение, а по обычной улице, где ездят машины и стоят гаишники. Нужно умудриться никого не угробить и не попасться гайцам, хотя у большинства таких гонщиков есть «волшебные» пропуска, при виде которых гайцы отдают честь и позволяют творить на дороге всё, что угодно.

– Гадкое занятие, – поморщился Севка. – Ненавижу пустой, глупый риск. В Чечню бы их на недельку, этих стритрейсеров, под снайперские пули и на заминированные дороги, чтобы поняли цену своей и чужой жизни.

– Зануда ты, – Шуба забрала у него сигарету, докурила и затушила бычок в пепельнице. – Людям нужен адреналин, иначе они начнут кидаться друг на друга. А ничто так не даёт насладиться опасностью, как неоправданный риск. Оправданный такого наслаждения не даёт. Оправданный риск вызывает страх, а это совсем другое.

– Философша, – усмехнулся Фокин, протягивая Шубе бокал мартини с солёным огурцом.

– Хочешь спросить, какая она была, Говорухина Жанна?

– Не хочу, но надо. Какая она была?

– Невысокая и некрасивая. Такая как я.

– Ты это... Зачем так говоришь? Ты очень даже ничего!

– Но был в ней характер, стержень и какой-то потрясающий шарм, – не обратила Шуба внимание на Севкины потуги сделать ей комплимент. – Конечно, с её возможностями нетрудно было хорошо одеваться и иметь всё самое лучшее, но всё же шарм – это то качество в женщине, которое только деньгами не обеспечишь. Для этого нужны воспитание, образование, самоирония, впрочем... никто не знает, что для этого нужно. В общем, Говорухина показалась мне интересной, приятной женщиной без зазнайства и самодурства, но привыкшей всегда добиваться своего. Через неделю она прекрасно водила: на большой скорости выполняла «полицейский разворот» и «змейку». Я дала ей всего шесть уроков, по три в неделю, хотя планировала убить на эти занятия месяц. Она заплатила всю сумму и горячо поблагодарила меня.

– Как ты думаешь, – Севка достал из кармана кольцо с топазом, – она могла носить такое кольцо?

Шуба покрутила в руках колечко и вернула его Севе.

– Вряд ли, – покачала она головой. – Говорухина предпочитала более изысканные и дорогие украшения.

– Вот и я говорю! – обрадовался Севка. – Это не её кольцо!

– Если только его не подарил ей молодой и не очень богатый любовник. Из уважения и любви к нему Жанна могла носить это кольцо.

– Точно, – опешил Сева. – Надо же, мне это даже в голову не пришло.

– У тебя мужская голова, Фокин, – потрепала его по волосам Шуба. – В ней мужские мозги, которые многого не понимают.

– Но кому же звонил тогда тот амбал, который стрелял в нас с Лаврухиным? Если хозяйка кольца – Жанна, зачем он его искал?

– Не знаю, – Шуба прыгнула с подоконника и потянулась крепко сбитым, далеко не худеньким телом. – Одно скажу, Жанна не производила впечатление человека, который своим поведением мог заставить кого-то вспылить так, чтобы появилось желание треснуть её топором по башке. Она показалась мне сдержанной и утончённой.

– А муж?! Ты видела её мужа?!

– Нет, – усмехнулась Шуба, – в моих услугах он не нуждался, а Говорухина о своих семейных отношениях не распространялась.

– Ты прелесть, – Севка схватил её за руку и чмокнул в ладонь, где тоже поселились маленькие, едва заметные веснушки.

– Ну, наконец-то, я смогла быть тебе полезной!

– Ты часто очень полезная, очень, очень часто полезная... – зашептал Сева и полез к Шубе обниматься.

– Секса не будет, ты чеснок ел, – отрезала Шуба, высвобождаясь из его рук.

– Я ж его другим местом ел! – возмутился Севка.

– Причём здесь место? Секс – это полёт души!

– Тогда тем более чеснок не при чём!

– Пойдём, я постелю тебе на раскладном кресле, – сбавила обороты Шуба и с гордой спиной ушла в комнату.

Спать на раскладном кресле Фокин не любил. Раза два за ночь у кресла подламывались ножки, и Севка с грохотом падал на пол. Рефлекс, приобретённый в горячих точках заставлял его хвататься за пистолет. Однажды он даже пальнул спросонья, пробив в хлипкой двери дырку, но Шуба, отличавшаяся железным здоровьем и крепкими нервами, даже не проснулась. Только утром, увидев пулевое отверстие, она сказала, что ей снилась война с китайцами.

– Гад, Лаврухин, гад, гад, гад, гад, обломил такой полёт души! – Севка сунул подмышку недопитую бутылку мартини и поплёлся за Шубой, которая первый раз в жизни стала вдруг недостижимым сексуальным объектом. Надо сказать, это прибавило ей привлекательности. Севка с интересом смотрел на её крепкие ноги, пока она стелила постель – себе на диване, ему на ненавистном раскладном кресле.

Не стесняясь, она разделась и только потом погасила свет. Впрочем, за окном уже вовсю набирал силу ранний летний рассвет, и видимости отсутствия электричества не убавило. Шуба нырнула под простыню и, раскинув руки, устала в потолок.

Севка, допив из горла мартини, быстро разделся до трусов.

– Ты уверена, что чеснок помешает нашему взаимному полёту души? – уточнил он, гарцуя на цыпочках возле хлипкой конструкции, на которой ему предстояло спать.

– Уверена. – Шуба взяла со спинки дивана розового медведя с бантом и прижала к груди. – Скажи, Фокин, ведь ты забыл, что у меня сегодня день рождения? Забыл?!

– Понятно. Обиделась! – Севка нырнул под тонкое одеяло, ощутив, как поехали по полу раскладные ножки. – Когда простишь?

– Никогда.

– Врёшь. К утру моя вина покажется тебе ерундой.

– Знаешь, чем женщина отличается от мужчины?

– Она не жрёт по утрам чеснок?

– Нет, она никогда не наденет трусов со словами «высохнут на жопе».

Севка захохотал. Когда у них с Шубой не было секса, то начиналась дуэль анекдотами.

– Новый русский заходит в публичный дом, швыряет сто долларов на стол.

– Мне две тёлки на всю ночь!

– Мужчина, извините, у нас такса пятьдесят долларов в час!

Тот постоял, подумал и говорит:

– Хрен с вами, давайте таксу!

Теперь захохотала Шуба, хотя наверняка знала этот анекдот.

– Аптека в День всех влюблённых, – подхватила она эстафету.

– Здравствуйте! Здравствуйте... – Шуба вдруг заснула на полуслове в обнимку с медведем.

Дуэли не получилось.

Севка вздохнул и... с грохотом рухнул на пол.

– Закончились! – дорассказал Севка анекдот до конца.

* * *

Разбудил Фокина телефонный звонок.

Севка с ужасом обнаружил, что уже двенадцать часов дня, что Шуба давно на работе, и что спит он на полу, среди разбросанных постельных принадлежностей.

– Але! – схватил он мобильный. – Частный детектив Фокин слушает!

– Ты что, квасил всю ночь, частный детектив Фокин? – с сарказмом спросил голос Лаврухина.

– Я падал всю ночь, – честно признался Сева.

– Откуда?

– С кровати.

Лаврухин крикнул, но не стал уточнять причины такого странного ночного поведения Севки.

– Я тут узнал кое-что из того, о чём ты просил, – бесцветным голосом сказал он.

– Докладай! – приказал Севка, хотя совершенно не был готов к восприятию информации. Он поднялся с пола и, прижав мобильный к уху плечом, начал собирать постель и придавать креслу первоначальный вид.

– У Говорухиной не было никакого любовника. Она без ума любила мужа, очень хотела детей и, наконец, забеременела, – отчеканил Лаврухин.

– О господи! – Севка замер над креслом, которое никак не хотело складываться. – Она что, ещё и беременная была?

– Да. Срок совсем небольшой, месяца два, не больше.

– Муж об этом знал?

– Понятия не имею.

– Кто тебе всё это рассказал?

– А ты меня к кому посылал?! – завопил Вася. – К подружкам бабкиным! Вот подружки-соседки и рассказали! Ксения Сергеевна, у которой инсульт, – бабушка по линии матери Жанны. У депутата Назарова было две жены, Жанна – дочь от первого брака. У Владимира Назарова хорошая репутация, никаких «тёмных дел» за ним не числится, во всяком случае, официально об этом неизвестно.

– Молодец, Лаврухин, – похвалил Васю Фокин. Кое-как наведя в комнате порядок, он пошёл на кухню. – Ты ещё вот что... Разузнай у своих приятелей гайцов в какой команде стритрейсеров гоняла жена банкира. Что там о ней говорят, попадала ли она в какие-нибудь дорожно-транспортные происшествия и вообще, зачем ей это понадобилось. В общем, Вася, узнай всё, что сможешь.

– Фокин, – задохнулся от возмущения Вася. – Фокин... Фокин...

– Алё, Вася, приём! – весело отозвался Сева. – Приём! Как меня слышишь?! Через пару лет я прославлюсь, и ты будешь гордиться, что работал со мной! Привет тёще и её огурцам!

– Пошёл ты! – выдохнул Вася и отключился.

Завтрак, разумеется, был оставлен на столе под полотняной салфеткой. Севка умылся прямо на кухне, сделал несколько отжиманий от табуретки и только после этого заглянул под салфетку.

Тосты с джемом, остывшая яичница, поджаристые сырники и два бутерброда с колбасой. И это при том, что Шуба хорошо знала: Севка завтракает только чашкой кофе без сахара и куском чёрного хлеба с маслом, посыпанным сахаром. Привычка так завтракать осталась у него с детства, и ничто – ни армия, ни горячие точки, ни мирная жизнь впоследствии, – не лишили его пристрастия исключительно к этим продуктам на завтрак. Разве что масла ино-

гда не было... Или сахара. Или кофе. А то и первого, и второго и третьего... Но уж горбушка чёрного хлеба всегда находилась, даже в самые безденежные времена.

Севка включил кофеварку, убрал излишества еды в холодильник, оставив только бутерброд с колбасой, и позвонил отцу.

– Папаня, ты где?

– В могиле, – глухо ответил папаня практически трезвым голосом.

– Копаешь?

– Уже пятую за утро. Мрут и мрут, заразы, как мухи. А чего мрут-то?! Солнце светит, птички поют, водки море... Хорошо! – Генрих Генрихович шумно высморкался и постучал лопатой о край могилы – Севка хорошо знал этот звук и привычку папани сбивать с лопаты прилипшую землю. Фокин-старший, хоть и работал на Северном кладбище сторожем, но когда землекопов не хватало, сам рыл могилы.

– Я к тебе в гости приеду, – сообщил Севка.

– На хрена? Птичек послушать?

– Мне нужно найти могилу Дениса Полыханова.

– Давно чувак помер?

– Лет десять назад. Наверное. Я точно не знаю.

– Ясно, – поскрёб папаня затылок – этот звук Севка тоже хорошо знал. – Ну, приезжай, поищем.

Фокин выпил кофе, съел бутерброд и, свистнув у Шубы из непечатой пачки сигарету, помчался в машину.

Ключ от квартиры он взял с собой.

* * *

Папаня встретил его у ворот. Судя по цвету носа и слегка осоловелым глазам папани, в мире всё обстояло не так гладко, но и не очень плохо.

– Что отмечаем? – похлопал Севка его по плечу.

– Факт существования жизни, – с трудом выговорил Фокин-старший.

– Среди могил это звучит кошунственно, – хмыкнул Севка.

– Среди могил это особенно остро чувствуется. – Опираясь на лопату, папаня пошёл впереди – длинный, худой, сутулый, в чудовищно грязных штанах с оттянутым задом, но с бесконечным достоинством в движениях и во взгляде.

Севка шёл за ним, прикидывая, подкинуть отцу денег, или подождать до конца месяца в целях оздоровления папаниной печени. Так ничего не решив, Фокин догнал отца.

– Нашёл я могилу, которая тебе нужна, – сообщил Генрих. – Только туда топать и топать.

– Ничего, прогуляемся.

– И зачем тебе такое старьё? Может, что-нибудь посвежее найдём?

– Папань, я ж не грабить иду. Мне улики нужны.

– А, ну, если улики... Хотя, какие улики через десять лет? – Генрих достал из кармана бутылку водки и, отхлебнув из неё, снова сунул в карман.

– Мне нужно алиби, – уточнил Севка.

– Слушай, какое алиби у человека, который давным-давно помер? – резко остановился папаня.

– Железное, – засмеялся Сева и пояснил: – Мне нужно найти на могиле Дениса Полыханова следы пребывания человека, которого подозревают в убийстве.

– Ничего не понял. – Генрих свернул на узкую дорожку между могилами и ускорил шаг. – Мрут и мрут, заразы, как мухи, мрут и мрут, – заворчал он, – а чего мрут-то? Водки – море, лечись, не хочу!

– Если бы все вылечивались, у тебя бы работы не было, – возразил Севка.

– Точно! – обрадовался папаня такому верному наблюдению. – А ведь я, Севун, знаешь, как работу свою люблю?! Свежий воздух, тишина – крыс-сотища! – Генрих мечтательно посмотрел на небо и, опять отхлебнув из заветной бутылочки, добавил: – А главное, работа с людьми.

– Ты бы пил меньше и жрал больше, – посоветовал Севка, пробираясь между старых, заросших травой оградок.

– Ага, чтобы у меня появилось такое вот алиби? – Генрих кивнул на могилку. – Всё, пришли, – показал он на простой металлический памятник со звездой, какие ставят военно-служащим.

С фотографии на Севку слегка укоризненно смотрел молодой, темноволосый парень. На облезлой табличке значилось «Денис Полыханов», и были обозначены годы жизни, включавшие всего двадцать пять лет.

Генрих присел на скамейку, а Севка внимательно огляделся вокруг.

«Улики» для алиби долго искать не пришлось. Возле оградки лежала пустая бутылка дорогого коньяка, и валялись окурки от диковинных сигарет с длинными золотыми фильтрами, которые курил Говорухин. Одна целая сигарета лежала возле памятника, а рядом с ней стояла полная стопка коньяка. Конечно, не было никаких доказательств того, что банкир приезжал сюда именно в тот вечер, когда произошло убийство его жены, но то, что он был здесь и был недавно – это неоспоримый факт.

– Крыс-сотища! – сладко потянулся на скамейке Генрих. – Кстати, – вдруг погрузился он, – сегодня Северная Корея опять провела испытания ядерной баллистической ракеты.

– И что? – отрешённо поинтересовался Севка, на всякий случай фотографируя на мобильный пустую коньячную бутылку и окурки с золотыми фильтрами.

– Как что?! – подскочил папаня. – А безопасность?!

– Чья?

– Общечеловеческая! – Генрих широким жестом обвёл раскинувшиеся до горизонта могилы. – Севун, тебя не волнует Северная Корея? – возмутился папаня.

– Если честно, то нет.

– А меня очень волнует. Прямо жуть как меня волнует Северная Корея и эти её баллистические ракеты! – Фокин-старший схватил стопку, стоявшую на могиле, перекрестился и залпом выпил коньяк.

– Тебе не стыдно? – поинтересовался Сева.

– Нет. – Папаня подцепил с земли сигаретку с золотым фильтром и жадно закурил её. – Почему-то мне совсем не стыдно, Севун.

– Мда-а, – поразился Севка глубиной папаниной безнравственности. – Извини, старина, за то, что выжрали твой коньяк и выкурили твою сигаретку, – попросил он прощения у портрета Дениса Полыханова.

– Слушай, этому чуваку давно на всё наплевать, – фыркнул Генрих. – Даже израильско-палестинский конфликт его уже не волнует! Так зачем ему хороший коньяк, а тем более такая вкусная сигаретка? Слушай, Севун, у тебя тыщи рублей не найдётся?

– На закуску найдётся, на водку – нет.

– Ладно, давай на закуску. На водку я сам себе заработаю.

Пока Севка доставал деньги, Генрих прибрал могилу от старой листвы и что-то такое сделал с памятником, что он встал ровнее и заблестел на солнце.

– Ты мне вот что скажи, – Севка взял папаню под руку, и они неспешно пошли в обратном направлении, – если человек приезжал сюда поздним вечером на машине, мог его видеть кто-нибудь из работников кладбища?

– Во-первых, если человек приехал сюда поздним вечером, то он бы не смог попасть на кладбище через центральные ворота, они закрываются в двадцать два нуля-нуль. Но! – Генрих вскинул грязный палец. – Но этот, как ты выражаешься, «человек» вполне мог припарковаться со стороны дач, и попасть на кладбище через калитку чёрного входа, которая открыта круглосуточно.

– Так мог его кто-нибудь видеть?

– Мог, но навряд ли. Дачники народ ненаблюдательный, они всё больше в грядки пелятся, или в бане парятся. А вот землекопы... землекопы наши иногда поздно ночью по могилкам шарятся, ищут, чем бы догнаться, – папаня выразительно щёлкнул себя по подбородку. – Родственники на могилках много спиртного оставляют, да и закуси до фига. Так вот, землекопы, в принципе, могли что-то увидеть, но это в зависимости от того, шарились они в тот вечер, или не шарились.

– Слушай, поговори с парнями, – попросил Фокин папаню. – Мне нужно знать, видели ли они, как позавчера, поздним вечером, со стороны дач подъезжал серебристый «Лексус» с номерами три единицы. И не заметили ли высокого, хорошо одетого господина, который в одиночестве пил коньяк на могиле.

– Поговорю, – пообещал папаня. – А что им за это будет?

– Я им спасибо скажу, – подмигнул Севка Фокину-старшему.

– За твоё спасибо парни вспоминать не станут!

– Ладно, – Севка протянул отцу две тысячные купюры. – Вот, простимулируй их память.

– Другое дело! – обрадовался Генрих и, не попрощавшись, побежал к своей маленькой сторожке, похожей на собачью будку. – Теперь поговорим, так поговорим! – крикнул он на бегу.

Насмешливо глядя ему вслед, Сева набрал по мобильному Говорухина и назначил ему встречу через тридцать минут.

* * *

Говорухин подъехал в офис Фокина через тридцать одну минуту и сорок секунд, – Севка засёк. Он всегда считал, что чем пунктуальнее человек, тем труднее ему врать. По шкале честности Фокин поставил Александру Петровичу пятёрку с маленьким минусом.

Говорухин выглядел очень взволнованным, но пытался скрыть это намеренно спокойным тоном и замедленными движениями. Вместо костюма на нём были джинсы и чёрная майка, что придавало банкиру демократичный и вполне свойский вид.

– Вам удалось что-нибудь разузнать? – Говорухин сел на краешек стула, закурил и с прищуром уставился на Фокина.

– Удалось, – кивнул Севка. Ему почему-то совсем не хотелось выглядеть перед Говорухиным деловым, респектабельным и удачливым. Он даже сигару не закурил перед его приходом и ноги на стол не закинул. А зачем?..

Почему преуспевающий банкир кинулся к первому попавшемуся частному детективу? У него что, «своих» людей везде нет, в том числе и в частном сыске?

Что-то тут не то...

Может, Говорухин считает Фокина лохом, которым за деньги можно вертеть как захочется? Но пока он не сделал ни одной попытки «повертеть» Севкой. Он даже не особо ста-

рался произвести на Фокина хорошее впечатление: кричал при первой встрече, психовал, и вообще, вёл себя как идиот, а не как уверенный в себе человек.

В общем, что-то не то с этим банкиром, а что – Сева не мог понять.

– Удалось, – повторил Фокин и достал из кармана кольцо с топазом. – Скажите, Александр Петрович, это кольцо вашей жены?

Говорухин бросил беглый взгляд на топаз, и на его лице промелькнуло брезгливое выражение.

– Моя жена не носила такие дешёвые украшения, – с ноткой высокомерия заявил он. – Жанна предпочитала вообще ничего не носить, если бриллианты, сапфиры и изумруды были не к месту.

Севка хотел сунуть кольцо обратно в карман, но Александр Петрович вдруг нахмурился и сказал:

– Впрочем, постойте... – Он взял кольцо, поднёс к глазам и, близоруко прищурившись, начал его рассматривать. Какое-то замешательство промелькнуло в его глазах. Замешательство и испуг – Севка отчётливо это увидел.

– Где вы взяли это кольцо? – севшим голосом спросил Говорухин.

– На месте преступления, – пояснил Фокин, внимательно наблюдая за реакцией банкира. – Оно лежало в ванной, на раковине. Кто-то мыл руки, снял его, а надеть забыл. Очевидно, оперативники не заметили кольца, потому что оно лежало за краном.

– Да! – с излишней горячностью вдруг воскликнул Александр Петрович. – Да, это кольцо моей жены! Точно! Кто-то подарил ей его на день рождения... Но Жанна почти не носила его, поэтому я не сразу узнал.

Что-то не то происходило с банкиром. Он врал за собственные деньги, путал Севку, сбивал с правильного пути, а зачем, если хотел доказать свою невиновность? Зачем, если он был действительно чист?

Зачем?!

Севка побарабанил пальцами по столу, раздумывая, стоит ли продолжать разговор, рискуя получить порцию вранья, которое окончательно его запутает.

– Я заберу кольцо? – спросил Говорухин, быстро сунув улику в карман.

Фокин пожал плечами. Никаких полномочий изымать кольцо у него не было.

Лицо у Говорухина стало слишком бледным, а сигарета в пальцах мелко тряслась.

Севка всё же решился продолжить беседу, причём, в довольно агрессивной манере. А пусть не держит его за лоха, пусть или говорит правду, или забирает свои деньги и бежит к «прикормленным» сыщикам, которые за бабло будут верить его вранью.

– Ночью это кольцо искал какой-то здоровенный тип. Он залез в опечатанную квартиру, долго рыскал в ванной, а потом стрелял в меня и моего напарника. Кто это мог быть, как вы думаете?

– Н-не знаю, – подавился ответом Александр Петрович и с такой силой раздавил в пепельнице сигарету, что обжёг пальцы. – Нет, я правда не знаю! Я... к этой бабке долбанной только один единственный раз заезжал, когда ей семьдесят пять исполнилось!

На этот раз Фокин ему поверил.

– У вашей жены был любовник?

– Нет, – жёстко сказал Говорухин. – Нет, нет и нет. Она не из таких. Не из тех, кто может юлить, обманывать и жить двойной жизнью. Она любила меня. Это я её не любил, а она без меня жить не могла!

Севка решил, что и этому можно поверить.

– Вы знали, что ваша жена беременна?

На лице Говорухина отразилась паника, которую он даже не попытался скрыть.

– Вы и до этого докопались?

– Отвечайте на мой вопрос.

– Да, знал. Но срок был совсем небольшой и...

Что «и», Александр Петрович не договорил, закулив новую сигарету.

– Вам известно, что Жанна собиралась участвовать в соревнованиях стритрейсеров?

В этот раз на лице банкира отразилось такое искреннее недоумение, что Фокин нисколько не засомневался в искренности его ответа.

– Это те, кто гоняет по улицам, игнорируя правила? – переспросил он. – Бред. Жанна никогда не любила экстремальные развлечения, да и водила она не очень...

– Три месяца назад ваша жена наняла инструктора по экстремальному вождению, и за короткое время сделал большие успехи.

– Бред, – повторил Говорухин. – Впрочем...

Опять «впрочем», тоскливо подумал Севка. Сил нет от непредсказуемости и неоднозначности его ответов. То так, то саяк, то эдак, то разэдак, а впрочем, может быть, и не так.

– Впрочем, как раз три месяца назад она попросила у меня заряженный «Порш». Я думал, так, баловство, и купил. А вы точно знаете, что...

– Точно, – перебил его Севка. – Ваша жена совершенно точно собиралась участвовать в уличных гонках, а вот участвовала ли, мне ещё предстоит узнать.

– У вас всё? – Говорухин встал.

Было впечатление, что он хочет побыстрее удрать.

– Думаю, да, – кивнул Севка.

– Скажите... у меня есть шансы выпутаться из этой истории?

– Шансы всегда есть. В особенности, если вы не будете мне врать.

«Намёк» так смутил банкира, что на его щеках вспыхнули алые пятна.

– Я... я говорю вам правду, – пробормотал он, хватаясь за ручку двери.

«Не всю!» – раздражённо подумал Севка.

Банкир ушёл, нет – сбежал, оставив после себя сигаретный дым и ощущение паники, которое просто вибрировало в воздухе.

Фокин налил себе из кофеварки остывший кофе и вышел на балкон. Этот огромный балкон на восьмом этаже – с пальмой в кадке и плетёным креслом-качалкой в центре, – являлся главной гордостью Севки. Балкон по площади раз в восемь превосходил маленький кабинет, и Сева видел в этом особый шик преобладания приятного над полезным.

Севка развалился в кресле-качалке, с наслаждением закулив Шуркину сигаретку вприкуску с крепким, несладким кофе.

В небе носились птицы и медленно плыли белёсые, рваные облака.

Жизнь казалась вполне сносной, учитывая полный сейф денег и наличие интересной работы.

Можно даже устроить кастинг.

У Севки Фокина было две мечты: хорошая секретарша и красивая машина. То есть, наоборот.

Фокин всегда путал, что должно быть хорошим, а что красивым. Конечно, хотелось совместить два этих качества в обеих мечтах, но он об этом и... не мечтал. Он был уверен, что это чересчур дорого. Ему казалось, что такую райскую жизнь нужно отложить на потом, а пока довольствоваться чем-то одним – хорошим, а чем-то другим – красивым.

Затянувшись вкусным дымом и отхлебнув густого, горьковатого кофе, Севка набрал по мобильному «Доску объявлений».

– Девушка, – тоном «распальцованного пацана» обратился он к оператору, – мне нужно дать объявление. Текст такой: «Каждый вечер по адресу Плановая одиннадцать, офис сто первый, проводится кастинг секретарш для частного детектива Фокина. Приглашаются девушки эффектной внешности, желательно блондинки».

– Принято, – отчеканила оператор и положила трубку.

– «Принято!» – передразнил её Севка, и тут же телефон в его руке завибрировал, высветив на дисплее «Шуба».

– Здорово, – ответил Фокин. – Как жизнь инструкторская? На встречную не заносит?

– Ты почему ключ в почтовый ящик не сбросил? – устало спросила Шурка. – У меня сегодня короткий день, я вернулась домой, а в квартиру попасть не могу.

– Блин! – стукнул себя по лбу Севка. – Забыл. А у тебя что, один ключ?

– Два. Но свой я как раз сегодня потеряла.

Это могла быть тонкая манипуляция со стороны Шубы, чтобы он и сегодня заехал к ней, но могло быть и правдой.

Фокин промычал что-то невразумительное в ответ. Сегодня он хотел ночевать дома, один.

– Ключ я уже отыскала, можешь не заезжать, – сказала Шуба, и Севка не удержался от облегчённого вздоха. – Но я, собственно, не за этим звоню.

– А зачем? – лениво спросил Севка, затянувшись сигаретой и почувствовав себя молодым и свободным от обязательств. – Зачем ты звонишь, Шуба?!

– Хочешь поучаствовать в уличных гонках с той командой, в которой гоняла Жанна Говорухина?

– Хочу! – подскочил Севка, пролив кофе себе на грудь. – А что, можно?!

– Можно, – вздохнула Шуба. – Я договорилась по своим каналам. Сегодня в час ночи приезжай на Центральную площадь, оттуда старт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.